

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

В шести томах

МОСКВА
«Международные отношения»

www.inter-rel.ru

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

Очерки

Том I

*От древнейших времен
до 1917 года*

МОСКВА
«Международные отношения»

www.inter-rel.ru

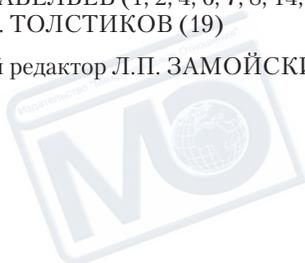
УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212
И90

Главный редактор академик Е.М. ПРИМАКОВ
Зам. главного редактора В.А. КИРПИЧЕНКО
Ответственный секретарь Л.Г. ПОДГОРНОВ

Авторский коллектив:

Н.А. ЕРМАКОВ (25, 26), О.К. ИВАНОВ (10, 20, 21),
А.Н. ИЦКОВ (3, 5, 9, 13, 15, 16, 18, 22, 23, 24, 28, 29),
Г.А. ОРЛОВ (11, 12), В.И. САВЕЛЬЕВ (1, 2, 4, 6, 7, 8, 14, 17, 27, 28, 30, 31),
В.К. ТОЛСТИКОВ (19)

Литературный редактор Л.П. ЗАМОЙСКИЙ

История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. – Т. I.
И90 От древнейших времен до 1917 года. – М.: Международные
отношения, 2018. – 240 с., ил.

ISBN 978-5-7133-1453-8 (Т. I)
ISBN 978-5-7133-1451-4

В данном издании Служба внешней разведки (СВР) хочет познакомить читателей с реальной стороной работы российских разведчиков. К подготовке «Истории российской внешней разведки» привлекались профессиональные разведчики-ветераны, лично принимавшие участие во многих разведывательных операциях последних десятилетий. В первом томе идет речь об истории разведывательного ведомства России с XVI века до 1917 года.

Для широкого круга читателей.

УДК 351.746.1(47+57)(091)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-7133-1453-8 (Т. I)
ISBN 978-5-7133-1451-4

© Служба внешней разведки, 1995
© Подготовка к изданию и оформление
изд-ва «Международные отношения»
2018

Предисловие

«История российской внешней разведки» по содержанию, охватываемому периоду и объему – первое подобное издание.

Разведка – это необходимый механизм, решающий целый ряд важнейших государственных задач. Это доказала история. Это доказывает и современность.

Можно ли говорить о своеобразии российской разведки, свойственных только ей чертах? Конечно, есть целый ряд характеристик, которые отличают разведку вне зависимости от ее национальной принадлежности: методы и приемы работы, структура, позволяющая добывать материалы политического, военного, научно-технического, экономического характера, использование так называемого «человеческого фактора» – иными словами, агентуры, доверительных связей, применение технических средств. Но, тем не менее, хотелось бы сказать об особенностях российской разведки. Может быть, они (пусть меня не осудят читатели за рубежом) – в несколько большем, чем у других, патриотизме, самоотверженности, меньшем, чем у других (и по субъективным, да и по объективным причинам), влиянии материального фактора на деятельность офицера-разведчика, большей склонности к самопожертвованию ради своего народа.

Конечно, «в семье не без урода» – это характерно для всех разведок мира. Но, может быть, наши «уроды» все-таки уродливее других. Напомню слова бывших руководителей ЦРУ Хелмса и Колби о том, что они не знали ни одного перебежчика из советской разведки, который бы не руководствовался материальными соображениями, иными словами, мотивами наживы. Этого нельзя сказать о всех зарубежных лицах, пришедших к сотрудничеству с нами.

Когда мы ведем читателя в нашем многотомнике от эпохи к эпохе, то при всей разрозненности отдельных событий, при всей их специфичности прослеживается общее магистральное направление деятель-

ности разведки. На любом историческом этапе, при любом строе, в любых обстоятельствах она защищала интересы государства. Не отсюда ли проистекает акцент на деполитизацию разведки, к чему мы осознанно пришли сегодня, в постсоветскую эпоху? Естественно, что эта деполитизация относительна. Государство всегда защищало и защищает интересы не только общенациональные, но и правящих групп. А разведка всегда была и остается отражением государства. Как увидит читатель, один из российских разведчиков в начале XX века П.И. Рачковский служил не только интересам Отечества, но и царскому департаменту полиции, ведя слежку за русской политической эмиграцией за границей. Не была изолирована разведка и от трагических сталинских репрессий. Но что важно отметить – она, не являясь правоохранительным органом, меньше других повинна в происшедшем и, будучи в наибольшей степени связанной с зарубежными странами, вобрав в себя элиту вооруженных сил, в большей степени, чем другие, пострадала от кровавых репрессий. Десятки, сотни разведчиков были отлучены от своей профессии, арестованы, расстреляны.

Вопросы деполитизации, деидеологизации разведки особенно важны и актуальны в наше время. В чем они проявляются? Разведка – нужно сказать об этом со всей твердостью – не участвует во внутриполитической жизни России. Конечно, каждый ее офицер и служащий не только могут, но и должны питать симпатии или антипатии к той или иной политической, общественной силе в РФ. Манкурт, робот, лишенный чувств, эмоций, привязанностей, неприятия того, что он считает плохим, не может быть разведчиком. Но он не может и руководствоваться своими политическими симпатиями или антипатиями в повседневной работе. Там он должен думать лишь о национальных интересах страны – в этом, как ни парадоксально это звучит, и заключается деполитизация разведки. Естественно, при этом разведчик должен быть привержен демократическим ценностям и верен закону – это чрезвычайно важно для всех без исключения.

Несколько слов и об отказе от идеологизации внешней разведки. Этого термина вообще не было до 1917 года. Однако в период существования СССР разведка, как и любой другой государственный инструмент, не могла не быть идеологизированной. ЧК, НКВД, КГБ, включая внешнюю разведку, были оружием партии, и именно в этом качестве под марксистско-ленинскими лозунгами осуществляли свою деятельность.

Лучшие источники, зарубежные помощники приобретались советской разведкой на идеологической основе. Еще будучи заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, я хорошо и близко знал работавшего там старшего научного сотрудника Дональда Маклейна. Это был один из самых умных и образованных людей, которые встреча-

лись на моем жизненном пути. Д. Маклейн в прошлом работал на советскую разведку. Директор одного из ведущих департаментов английского МИД, он обладал информацией первостепенной, подчас жизненной для Москвы ценности и передавал эту информацию нам. Д. Маклейн, будучи выходцем из семьи шотландских лордов, руководствовался не материальными соображениями. Как бы мы ни относились сейчас к нашему идеологическому прошлому, но именно идеи этого прошлого привели Маклейна и многих ему подобных в советскую разведку.

Многие предрекали, что деидеологизация СВР в нынешних условиях лишит нас возможности выходить на сотрудничество с зарубежными источниками информации. Это оказалось не так. Теперь мы не говорим об идеологической основе приобретения зарубежных помощников. Но продолжает действовать политическая заинтересованность многих людей в сотрудничестве – теперь уже не с советской, а с российской разведкой. За этим стоят и нежелание видеть мир «однополюсным», и опасения угрозы односторонней перекройки послевоенных европейских границ, и понимание роли России как фактора стабильности в Европе и в мире в целом.

Так что деидеологизация разведки отнюдь не ликвидировала и даже не подорвала ее как важнейший инструмент российской политики.

Нужна или не нужна разведка – вопрос чисто риторический. Ни одно более или менее крупное, а тем более великое государство не способно и не сможет обойтись без нее. Она, очевидно, отомрет с ликвидацией государств, но такая перспектива существует только в теории и не просматривается в жизни. Между тем в истории российской разведки было два периода, когда необходимость ее существования или не осознавалась, или подвергалась сомнению. Первый из них – становление Российского государства. Разведка в этот период еще не оформилась в самостоятельный институт государственной власти, возникала и образовывалась не только «под крышей», но и как составная часть дипломатического здания. Очевидцами второго периода мы были в недалеком прошлом, когда эйфория выхода из холодной войны настолько замутила умы, что некоторые лица в России стали проповедовать отказ от разведки в эпоху «цивилизованных отношений», к которым приближается мир.

Насколько быстро происходит такое приближение? Так или иначе, но ни в одном государстве – бывшем противнике СССР в эпоху холодной войны – вопрос о необходимости сохранения разведки вообще не дебатировался. Об изменении акцентов в ее деятельности – да. Об отказе от некоторых методов работы – тоже да. Но никогда – об отказе от разведки как важнейшего инструмента государственной политики.

В 1992 году у меня брал интервью один английский журналист, который спросил: готова ли, с моей точки зрения, Россия отказаться

от ведения разведывательной работы по Англии, если Англия примет те же условия в отношении России? В нашем взаимосвязанном, тесно переплетенном мире решение такого вопроса на двусторонней основе, конечно же, невозможно. А если все страны вместе решат отказаться от разведки? Ну что ж, тогда это можно обговаривать, но, честно говоря, лишь неисправимые фантазеры могут поверить в такую перспективу.

Одной из особенностей российской разведки является преемственность, верность лучшим традициям предшествовавших ей единопрофильных служб. Мы никогда не отрекались и не отрекаемся от всего хорошего, полезного, важного для государства, общества, народа, что было наработано за многие десятилетия и века в России предшественниками СВР, в том числе, естественно, и в Советском Союзе. Но признание преемственности отнюдь не означает отказа от критического отношения к своей истории. Читатель поймет это и из «Истории российской внешней разведки», где показаны не только «светлые», но и «темные» стороны ее деятельности.

Многотомник подводит читателя к современной внешней разведке России. Чем она занимается после окончания холодной войны, какие задачи решает, на чей алтарь отдает силы, здоровье, а иногда и жизни своих офицеров?

Можно считать, что в конце XX века Россия переживает один из самых нелегких этапов истории. Экономический кризис, неурегулированность отношений между центром и частью периферии, угроза территориальной дезинтеграции или, во всяком случае, отторжения отдельных ее частей, сопротивление реинтеграционным процессам на территории СНГ, политическая необходимость отстаивания позиций самостоятельной великой державы на международном поприще, опасения, связанные с тем, что РФ входит в мировое хозяйство преимущественно как сырьевой его элемент, в то время как другие великие державы уже взяли и успешно осуществляют курс на развитие наукоемкого высокотехнологического производства, – все это признаки нелегкого времени. Но и в самые тяжелые дни ни один из зрелых политиков не сомневался в том, что Россия – с ее огромным человеческим потенциалом, великой историей, выдающимся вкладом, внесенным в мировую цивилизацию, неисчислимыми природными ресурсами, большими заделами в фундаментальной науке – не может застрять на этом этапе. Она была, есть и будет великой державой. Разведка в числе других важнейших государственных механизмов на всем протяжении истории Российского государства помогала ему преодолевать тяжелые периоды – в этом тоже еще одна канва, объединяющая очерки в единое целое.

Причем процесс выхода из кризисной ситуации 90-х годов, возникшей как из наследства прошлого, так и из ошибок и недоделок того времени, когда писались эти строки, происходил в далеко не од-

нозначной международной обстановке. Да, в 80-х – начале 90-х годов была закрыта глава в международных отношениях, когда по разные стороны баррикад стояли, готовясь перейти к сражению, две различные по идеологической окраске силы. Перестал существовать раздел мира на две системы – следовательно, исчезла почва и для детерминированных постоянных противников России. Но мир не стал от этого менее сложным. Национальные интересы нашего государства, которые раньше отступали на задний план, а нередко и приносились в жертву борьбе с постоянными идеологическими противниками или поддержке постоянных идеологических союзников, стали первостепенными по своей значимости, вышли на авансцену. Это имело по меньшей мере два последствия: резкую интенсификацию поисков полей совпадения этих интересов с другими государствами, а в случае их несовпадения – определение путей защиты национальных интересов неконфронтационным, политическим путем.

Однако всегда ли удавалось это сделать? Сложный характер ответа на этот вопрос подкрепляется фактом значительного после распада СССР расширения зоны региональных конфликтов, которая распространилась на территории многих национальных республик бывшего Союза, то есть дошла до границ России, вклинилась в Европу, где боснийский кризис не только породил угрозу дестабилизации на всех Балканах, но и стал «магнитом», притягивающим к себе внимание и материальную помощь сражающимся сторонам из государств, подчас отстоящих от региона на сотни, а то и тысячи километров.

Опасность расширения конфликтов резко усилилась, так как они получили развитие в условиях распространения оружия массового уничтожения, роста международного терроризма. Самым негативным образом повлияла на эти конфликты (и, очевидно, это влияние сохранится еще надолго) многолетняя, расшатанная донельзя ситуация в Афганистане – среднеазиатская конфликтная зона вплотную примыкает к этой стране.

Не только на среднеазиатскую, но и на кавказскую конфликтную зону распространил – и, вероятно, еще долго будет распространять – свое дестабилизирующее влияние исламский экстремизм, то есть насильственные формы распространения воинствующего ислама, ставящего своей целью внедрение исламской модели государства. В период после холодной войны произошло усиление и межэтнических противоречий.

Естественно, что российская внешняя разведка на всех этапах своего развития, как показано в многотомнике, снабжала высшее руководство своей страны достоверной, во многом упреждающей информацией и построенными на ее основе аналитическими оценками своих экспертов. При этом главным направлением ее работы было и остается отслеживание всех тех процессов, которые при неблагоприятном

для России развитию могли бы нанести ущерб ее интересам. К концу нашего столетия среди таких угроз можно назвать:

- деятельность внешних сил, пытающихся углубить или просто сыграть на слабостях самой России, ее разногласиях с другими государствами – бывшими частями СССР; одной из приоритетных задач разведки на середину 90-х годов стала нейтрализация усилий, принятых с целью сорвать центростремительные тенденции как в самой России, так и в пределах Содружества Независимых Государств;

- перспективы пополнения «клуба ядерных государств», выхода ряда стран третьего мира на различные системы ОМУ, принятия политического решения в некоторых из них, кладущего начало движению к обладанию ядерным оружием;

- вероятность выхода стран – бывших участниц холодной войны на новые, дестабилизирующие системы вооружений – разведка обязана своевременно оповещать соответствующие российские государственные структуры о разработках и внедрении в других странах новых видов вооружений и боевой техники.

Не только сбор информации, анализ и синтез ее, прогноз развития ситуации, но и активная роль в осуществлении внешней политики страны – такова историческая роль разведки, действующей своими специфическими методами.

При этом одной из важных задач разведки была и остается помощь в проведении активной внешней политики России и на западном, и на восточном (китайском, арабском, азиатско-тихоокеанском и т.д.) направлениях. В «Истории российской внешней разведки» это показано ретроспективно. Необходимость решения такой задачи подтверждает и период, наступивший после отхода от холодной войны, что отнюдь не нивелировало значение геополитического фактора, нисколько не снизило необходимость добиваться благоприятной для России геополитической ситуации.

Нелишне, очевидно, напомнить, насколько всегда, во все времена были и остаются важными для России взаимовыгодные, равноправные, не ущемляющие ее интересов экономические связи с другими государствами, иностранными частными фирмами и какими опасностями для нее, каким ущербом для ее экономики подчас оборачиваются такие контакты. Задача разведки – вовремя предупредить об опасностях, «ловушках», подлинной ценности подчас сомнительных предложений в области экономического и научно-технического сотрудничества.

Важнейшей задачей Службы внешней разведки и вчера, и сегодня, и завтра будет содействие в повышении оборонного потенциала и ускорении социально-экономического развития России.

В начале 90-х годов приобрел определенную динамику такой феномен, как взаимодействие российской разведки со спецслужбами многих иностранных государств, в том числе стран НАТО. Сотруд-

ничество развивается по линии предотвращения распространения ядерного оружия, борьбы с международным терроризмом, наркобизнесом, организованной преступностью, обмена информацией об обстановке в «горячих точках». Не сдает ли российская разведка своих позиций в таком на первый взгляд не совсем естественном сотрудничестве? Однозначно – нет. Оно не осуществляется взамен разведдеятельности. Оно невозможно – и СВР это демонстрирует на практике – не на равноправной основе. Вместе с тем оно взаимополезно и служит решению задач на поле совпадающих интересов.

Российская разведка с июля 1992 года работает на правовой основе, зафиксированной в Законе «О внешней разведке», в «Положении об СВР», утвержденном Президентом России.

А теперь снова вернемся к многотомнику. К его подготовке привлекались профессиональные разведчики-ветераны, имеющие многолетний опыт работы за рубежом, лично принимавшие участие во многих разведывательных операциях последних десятилетий. В распоряжение авторов были предоставлены архивные материалы. Использованы мемуары, записки, фрагменты из ранее подготовленных разведчиками книг.

«История российской внешней разведки», конечно, не летопись и, тем более, не дневники.

И никто не ставил себе задачу воссоздания прошлого день за днем. Такой подход был бы просто нереальным. В процессе работы иногда возникали трудности восстановления той или иной конкретной картины, эпизода по отдельным сохранившимся, часто разрозненным и противоречивым фрагментам. Ведь секретные архивы создавались не ради написания истории разведки, а для повседневных оперативных нужд.

Написание очерков затруднялось и тем, что в предвоенные да и в более поздние годы многие сотрудники разведки были оклеветаны и вычеркнуты из жизни. Нередко исчезала и документация, связанная с их служебной деятельностью. Многое пришлось восстанавливать по крохам. Из жизни уходят многие свидетели и участники недавних дел и операций разведки, те, кто хранит в своей памяти страницы ее истории. Именно поэтому авторы издания сочли целесообразным сделать доступными для общества те материалы, которыми уже располагают. «История российской внешней разведки» не содержит домысла, истина не приносится в жертву украшательству. Даже когда в целях конспирации изменены имена ряда лиц, подлинная основа событий сохраняется.

Разумеется, разведка – особо оберегаемый, деликатный организм. Ее предназначение – раскрывать не свои, а чужие тайны. Но конспирация и гласность могут быть совместимы. Конечно, служебные секреты до поры до времени должны оставаться таковыми, если их успешное раскрытие может нанести ущерб государственным интересам

или интересам хотя бы одной-единственной личности, привлекавшейся к выполнению разведывательных заданий и честно выполнившей свой долг. Но это вовсе не означает, что нужно закрывать или «прикрывать» все и вся. Как показывает практика, это приводит лишь к отрицательным результатам. Профессия разведчика, информация о которой дается читателю «из третьих рук», понимается превратно, в искаженном виде. Есть немало примеров и тому, как в погоне за сенсацией публикуются сомнительные откровения отдельных «сочинителей», «обличителей» и «реформаторов» от разведки. Как видим, твердокаменное молчание иногда порождает злопыхательство, безудержные, безответственные разглагольствования.

Публикуя это издание, СВР стремится ознакомить читателей с реальной стороной работы российских разведчиков, надеется вызвать добрый интерес к их нелегкой, но благородной профессии.

Академик Е.М. ПРИМАКОВ,
Директор Службы внешней разведки России

Октябрь 1994 года

1

Предтечи

Приступая к теме наших очерков, прежде всего хотелось бы определить, что понимать под словом «разведка». Что это такое? Говорят, профессия разведчика – одна из древнейших на Земле, и в подтверждение этому приводят цитаты из Ветхого Завета или из шумерского эпоса о Гильгамеше, повествующего о том, как Утнапиштим, прообраз легендарного Ноя, на седьмой день после потопа не сразу вышел из ковчега, поостерегся, решил сначала проверить обстановку в окрестностях и выпустил птиц на разведку. Слов нет, эпос о Гильгамеше – замечательный литературный памятник одной из первых цивилизаций мира. Но можно ли Ноя или Утнапиштима причислять чуть ли не к родоначальникам славного рыцарства «плаща и кинжала»? Правомерно ли это?

Действительно, слово «разведка» в своем исконном, изначальном смысле предполагает проведение какого-либо тайного обследования со специальной целью. В этом широком смысле разведка существовала с незапамятных времен.

В пещерный век вопрос ставился классически просто: быть или не быть? И нашему неандертальскому пращуру не надо было особых мозгов, чтобы прикинуть, то есть провести «обследование со специальной целью»: а будет ли «трапеза» по зубам? Иначе неровен час, и сам угодишь в западню! И, конечно же, эта «прикидка» – еще никакая не разведка, а элементарное стремление к выживанию, инстинкт самосохранения, свойственный даже животным.

Другое дело, что именно этот инстинкт, необходимость обеспечения собственной безопасности, умение защитить себя, тайно выведать намерения и возможности потенциального противника и, не раскрывая своих планов, предупредить готовящееся нападение – все это в той или иной мере является составной частью (хотя лишь только частью) емкого понятия «разведка».

Знаменитый греческий историк, «отец истории» Геродот подробно рассказал нам о том, как могущественный персидский царь Дарий отправился воевать с нашими дальними предками скифами. Было это в 512 году до новой эры. К тому времени Дарий создал гигантскую империю, простиравшуюся от Индии до Греции. Под его властью оказались такие древние царства, как Египет и Вавилон. Перейдя Босфор с семисоттысячным войском, Дарий покорил Фракию и Македонию, переправился через Дунай и двинулся в скифские степи Причерноморья.

Скифы – народ смелый, воинственный. Но и инстинкт самосохранения был им не чужд. Воинов против Дария было у них мало, да и вооружение не то: у персов – железо, а у скифов оно еще вошло в обиход, только деревянные стрелы и копья с костяными и бронзовыми наконечниками. Зато было у скифов одно преимущество: их войско состояло из конницы, а армия Дария в основном была пешей. Скифы были лихими наездниками, хорошо с седла стреляли из лука, ловко метали дротики. Их низкорослые кони были крепкими и выносливыми. Все эти «за» и «против» предстояло взвесить и принять решение.

Получив сведения о численности и вооружении приближающегося противника, скифские военачальники «посоветовались и решили» – не входить с персами в открытый бой, а стали отступать перед Дарием вместе с семьями, кочевыми кибитками, стадами скота, все дальше удаляясь в бескрайнюю степь, а по дороге засыпали колодцы, выжигали траву. Так скифы перешли за Дон, стали подниматься к Волге.

Персы, преследовавшие их по опустошенной земле, так и не сумели догнать кочевников. Войско Дария было утомлено, многие, испытывая жажду и голод, погибли в походе. А скифы между тем были целы и невредимы.

Тогда, как повествует Геродот, Дарий направил своего посла к скифскому царю с такой речью:

«Зачем ты все убегаешь? Если ты считаешь себя сильнее, то сражайся со мной. А если ты считаешь себя слабее меня, покорись и приходи ко мне, твоему владыке, с землею и водою в руках».

На это скифский царь отвечал:

«Из страха я не убежал никогда и ни от кого. Я и теперь веду такую же самую жизнь, какую и всегда вел, и от тебя вовсе не убегаю. В нашей стране нет ни городов, ни садов, ни полей. Нам нечего поэтому опасаться, что наше достояние будет покорено или опустошено кем-нибудь. Нам защищать-то нечего. Мы ведь в любом месте живем одним и тем же способом. Где мы, там и наша родина. Значит, нам и нечего торопиться, чтобы вступать с тобою в бой. А коли ты сам хочешь сражаться, отыщи гробницы наших предков – тогда ты узнаешь, как мы за них постоим! Вместо воды и земли я пошлю тебе другие

дары. А за то, что ты называешь себя моим владыкой, я еще расплачусь с тобой».

И Дарий отступил. Тяжело пришлось его войску на обратном пути к Дунаю. Сохранилось предание, будто бы именно в это время скифские послы принесли Дарию загадочный «подарок»: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Долго персы ломали голову над его смыслом. Наконец нашелся один мудрый «переводчик», который растолковал это Дарию так: «Если вы, персы, не улетите, как птица в небеса, или не спрячетесь в землю, как мыши, или не ускачете в озера, как лягушки, то не вернетесь назад и погибнете от наших стрел».

Дарий, могущественнейший властелин мира, с остатками своего войска еле ноги унес за Дунай. Полудикие скифы, которые еще не владели железом, не знали оседлости и грамоты, оказались победителями. Используя современную терминологию, можно было бы сказать: они сумели вовремя получить информацию о превосходящих силах противника, правильно оценить обстановку и упредить готовившееся на них нападение.

Сочетание военной доблести с умом, природной смекалкой позволило скифам совершить то, что не удавалось многим другим народам современного им древнего мира. Ум, информация, знание – по-английски «intelligence», это слово одновременно означает «разведка». Да и по-русски это однокоренное слово: «ведать» – знать, «разведывать» – узнавать, распознавать, приобретать информацию, знания.

Слово «разведка» было хорошо известно и на заре создания государства на Руси – государства княжеского, удельного, когда, по выражению Н.М. Карамзина, «еще не было ни удобного сношения между владениями одной державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою».

Однако в летописях того времени мы напрасно стали бы искать какие-либо упоминания о специальных разведывательных органах или разведчиках-профессионалах. Государственный аппарат был еще слишком слаб, а круг внешних сношений слишком узок и ограничен, чтобы разведка могла выделиться тогда в самостоятельную государственную службу. Для этого не хватало двух очень важных составных частей: развитой государственности и развитых внешнеполитических связей. А между тем разведка уже начинала действовать.

В работе византийского историка X века Льва Диакона¹ повествуется о том, как в 971 году император Византии Иоанн I Цимисхий «вознамерился предпринять поход против росов». По пути «ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев (т.е. византийцев). Когда они стали упрекать ромеев, утверждая, что терпят несправедливость, император повелел, отлично понимая причину их прибытия,

чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев».

Как известно из истории, Иоанну Цимисхию удалось потеснить отряды киевского князя Святослава и подчинить себе северо-восточную часть Болгарского царства, но на Русь он пойти не решился. Любопытно, знал ли он о судьбе Дария?

В древнерусских летописях можно встретить буквально единичные эпизоды, которые в той или иной степени представляют интерес с точки зрения истории разведки. Есть сейчас, например, профессиональный термин «доброжелатель». Под ним понимается иностранец, который добровольно, по собственной инициативе, предлагает разведке свои услуги, как правило, в виде передачи секретной информации, устной или чаще документальной, рассчитывая при этом на соответствующее вознаграждение. Разведчики-профессионалы относятся к «доброжелателям» очень осторожно, пытаясь, прежде чем воспользоваться их услугами, проверить, не являются ли они «подставой» спецслужб противника, иначе сам рискуешь стать объектом провокации.

Но в случае, о котором пойдет речь, никакого риска не было. В 988 году великий князь киевский Владимир, собрав многочисленное войско, подошел на судах к греческому городу Херсонесу (располагавшемуся близ нынешнего Севастополя). «Сей торговый город, – пишет Н.М. Карамзин, – построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклеийскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов да козаров и печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях Черноморских, наслаждались изобилием.

Владимир, остановясь в гавани или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великий князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся, но горожане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от греков; старались уничтожать все работы осаждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит летописец, ночью уносили в город ту землю, которую россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оные валом, по древнему обыкновению военного искусства.

К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру по имени Анастас. Сей человек пустил к россиянам стрелу с надписью: за вами,

к Востоку, находятся колодези, дающие воду херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее. Великий князь поспешил воспользоваться советом и велел перекопать водопроводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россиянам».

Любопытно, что сохранилось даже имя доброжелателя – Анастас. Кто он был по национальности? Скорее всего, грек. Какими мотивами он руководствовался? Об этом, как говорится, история умалчивает. Но важно отметить другое: случай с Анастасом мог подсказать россиянам ту незыблемую истину, которая позднее превратилась в афоризм: «хороший агент стоит целой армии».

Рассмотрим еще один случай из летописи времен князя Владимира. Читателю, конечно, известно слово «дезинформация». Термин «активные мероприятия», или «мероприятия содействия», может предполагать и дезинформацию или акции, которые могли бы ввести противника в заблуждение. Оказывается, древние россияне в трудные минуты проявляли недюжинную изобретательность и прибегали к тому, что сейчас профессиональный разведчик назвал бы «активным мероприятием». Еще раз вернемся к Н.М. Карамзину: «Владимир (в 997 г.), желая собрать воинство многочисленное для отражения печенегов, сам отправился в Новгород; но сии неутомимые враги, узнав его отсутствие, приблизились к столице, окружили Белгород и пресекали сообщение жителей с местами окрестными. Через несколько времени сделался там голод, и народ, собравшись на Вече или совет, изъявил желание сдаться неприятелям. «Князь далеко, – говорил он, – печенеги могут умертвить только некоторых из нас; а от голода мы все погибнем». Но хитрость умного старца, впрочем не совсем вероятная, спасла граждан. Он велел ископать два колодезя, поставить в них одну кадь с сытою (медовый взвар на воде), другую с тестом и звать старшин неприятельских будто бы для переговоров. Видя сии колодези, они поверили, что земля сама собою производит там вкусную для людей пищу, и возвратились к своим князьям с вестию, что город не может иметь недостатка в съестных припасах. Печенеги сняли осаду».

Даже если всю приведенную летописцем историю рассматривать не как быль, а как предание, то, тем не менее, можно полагать, что древние россияне были вполне способны на хитрость подобного рода, такой отвлекающий маневр.

Не хуже нас древние знали и о том, какие огромные преимущества может дать вовремя полученная информация о тайных замыслах противника. В этом отношении примечателен такой, на сей раз вполне достоверный, случай.

Летом 1380 года великий князь Московский Дмитрий Иоаннович (впоследствии прозванный Донским) отправил к Мамаю «хитрого мужа», боярина Захарию Тютчева, дав ему много золота, сереб-

ра и двух переводчиков. Сей посол, как повествует Никоновская летопись, услышал в земле Рязанской об измене местного князя Олега, а также о союзе литовского князя Ягайлы с Мамаем и дал знать о том Дмитрию. В начале сентября заговорщики намеревались встретиться на берегу Оки и вместе двинуться на Москву. Великий князь немедленно отправил «первую стражу» для проверки поступивших сведений, «дабы разведать о неприятеле». «Стража» вернулась с вестью, что Мамай точно намерен «воевать Россию». Тогда великий князь приказал собраться войску в Коломне 15 августа, чтобы, не дожидаясь соединения Мамаея с Олегом и Ягайло, нанести ему упреждающий удар.

А тем временем Захария, прибыв в Орду, именем великого князя спросил Мамаея, как положено, о здоровье. Мамай, как свидетельствует предание, сбросил башмак с правой ноги и дерзко сказал ему: «Се ти дарую... от ноги моя отпадшее». И, обратясь к своим воинам, якобы сказал: «Возмите дары Московские и купите себе плети; золото бо и серебро князя Дмитрия все будет в руку мою; землю же его разделю служащим мне, а самого приставлю стадо пасти верблюжее».

Разгром Мамаея в Куликовской битве стал началом освобождения Руси от татаро-монгольского ига. Быстрые и решительные действия Дмитрия Донского не позволили Олегу и Ягайло соединиться с Мамаем, и оба они бежали в Литву.

О дальнейшей судьбе Захарии Тютчева известно, что на дерзкие выпады Мамаея он отвечал смело, с достоинством и чуть не был убит мурзами из окружения хана. Однако Мамай удержал их и пригласил Захарию к себе на службу. Хитрый Захария, как повествует летопись, не отказался, но просил, чтобы ему позволили прежде отправить Дмитриево посольство. Мамай написал грамоту великому князю, предлагая сдать: «Прииде ко мне, до помилую тя». Захария в сопровождении четырех ханских мурз был отправлен к Дмитрию, но близ Оки встретил передовой отряд русских войск, «связал сих четырех мурз, изорвал грамоту Ханскую, послал одного татарина сказать о том их государю и благополучно возвратился в Москву».

Был ли Захария Тютчев разведчиком? Тогда такой профессии еще не существовало. Он был «хитрым мужем». Он сумел получить секретную информацию, своевременно довел ее до сведения своего руководства, что позволило правильно оценить сложившуюся обстановку и нанести противнику упреждающий удар, имевший столь важные последствия для всей дальнейшей истории государства.

До формирования разведки как профессиональной государственной службы было, конечно, еще очень и очень далеко. На этом долгом пути, проходящем через несколько столетий, прослеживается целый ряд более или менее четко определившихся этапов.

1549 год: создание Иваном IV Посольского приказа – первой в России самостоятельной государственной структуры, ведавшей все-

ми вопросами международных отношений. В этот период еще не делается различий между дипломатической и разведывательной службой. Еще не было на Руси дипломатов-профессионалов, как не было и профессионалов-разведчиков.

До создания Посольского приказа дипломатические документы хранились вместе с царской казной. Внешнеполитические задания выполнялись казначеем, печатником, другими особо доверенными лицами из окружения самодержца. Теперь эти функции постепенно сосредоточиваются в одном учреждении, включая наиболее деликатные, секретные задания разведывательного характера. Дипломатия и разведка идут рука об руку, составляют единое целое.

1654 год: царь Алексей Михайлович создает при себе особую канцелярию – Приказ тайных дел. Происходит некоторое перераспределение функций в государственном аппарате. Посольский приказ продолжает существовать, но разведывательная деятельность все больше переходит в ведение Приказа тайных дел. Таким образом, впервые предпринимается структурное разделение дипломатии и разведки, хотя и руководители Посольского приказа, и сотрудники дипломатической службы по повелению царя по-прежнему продолжают выполнять отдельные ответственные задания разведывательного характера. В регулярную практику секретной переписки вводятся шифры.

1716 год: в новом воинском уставе Петра I разведывательная работа впервые приобретает правовую основу. Она поручается генерал-квартирмейстерской службе. Наряду с этим продолжается традиция негласного использования официальных дипломатических представителей, включая послов, для выполнения разведывательных заданий (А.А. Матвеев, П.А. Толстой, А.Я. Хилков и др.).

1810 год: военный министр М.Б. Барклай де Толли направляет первых постоянных представителей – «военных агентов» – в российские посольства ряда европейских стран. Основной задачей является ведение агентурной, разведывательной работы. Впервые добыча секретной военно-политической информации за рубежом ставится на регулярную, профессиональную основу. Внешняя разведка структурно все более четко оформляется в военном ведомстве и в последующие годы, особенно при военном министре А.И. Чернышеве. Одновременно вопросы внешней разведки в той или иной мере продолжают оставаться в ведении Министерства иностранных дел (например, при К.В. Нессельроде), хотя здесь они не носят четко выраженного структурного характера и в основном решаются на уровне разовых, хотя и весьма ответственных, поручений.

1856 год: Александром II утверждена первая в истории российской разведки инструкция о работе военных агентов. Функции внешней разведки все больше становятся прерогативой военных. В этом вопросе большое влияние оказало поражение России в Крымской войне 1853–1856 годов. Мирный договор был подписан 18 марта, а ин-

струкция – 10 июня 1856 г. Развитие военного искусства и перевооружение российской армии на основе новейших западных образцов приобретают приоритетное значение.

1905 год: ситуация повторяется, снова поражение в войне стало серьезным импульсом для пересмотра и реорганизации всей разведывательной и контрразведывательной работы спецслужб империи. Впервые вводится курс тайной разведки в академии Генерального штаба, и подготовка кадров профессионалов-разведчиков ставится на регулярную основу².

Таковы наиболее крупные вехи в истории отечественной внешней разведки до октября 1917 года. Подробнее о каждом из этих периодов и людях, принимавших непосредственное участие в разведывательной работе, читатель узнает из предлагаемых очерков.

¹ См. **Лев Диакон**. История. – М.: «Наука», 1988. – С. 124.

² См. **Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг.** – М.: «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1993. – С. 148.

